

*А.И. Куляпин*

### **Тариф на рифмы: дискурс торга в советской литературе 1920–1930-х гг.**

В статье «Как делать стихи?» (1927) Маяковский писал: «Поэт каждую встречу, каждую вывеску, каждое событие при всех условиях расценивает только как материал для словесного оформления. Раньше я так влезал в эту работу, что даже боялся высказывать слова и выражения, казавшиеся мне нужными для будущих стихов, — становился мрачным, скучным неразговорчивым. Году в тринадцатом, возвращаясь из Саратова в Москву, я, в целях доказательства какой-то вагонной спутнице своей полной лояльности, сказал ей, что я “не мужчина, а облако в штанах”. Сказав, я сейчас же сообразил, что это может пригодиться для стиха, а вдруг это разойдется изустно и будет разбазарено зря? Страшно обеспокоенный, я с полчаса допрашивал девушку наводящими вопросами и успокоился, только убедившись, что мои слова уже вылетели у нее из следующего уха» [1, с. 246].

Всегдашняя озабоченность Маяковского тем, как бы понапрасну не «разбазарить» ценный поэтический материал, не ускользнула от внимания близко знавших его людей. Л.Ю. Брик полагала, что если бы Маяковский много рассказывал о своих чувствах и впечатлениях, то его стихи, возможно, остались бы ненаписанными. «Маяковский был остроумен и блестящ, как никто, но никогда не был он “собеседником”. На улице или на природе, идя рядом с вами, он молчал иногда часами» [2, с. 328].

Бытовое поведение Юрия Олеши, видевшего «главный интерес жизни в беседе» [3, с. 100], прямо противоположно по стилю. Сергей Герасимов заметил, что у Олеши никогда не было суетности «мелкого расчета в трате самого себя. Все его богатство было в уме. Он расходовал это богатство совершенно безрассудно...» [3, с. 101]. По словам Льва Славина, Олеша «был поэт-мыслитель»: «А бешеное свое остроумие и зоркую наблюдательность <...> оставлял для житейской болтовни, для товарищеского трепа, для множества забавных устных сценок, импровизационных застольных скетчей. Так, однажды появился зародыш словаря Элочки-люодедки, впоследствии с таким блеском развитый Ильфом и Петровым, и некоторые другие интересные находки, которые Олеша легко раздаривал окружающим не потому, что он был таким уж

щедрым, а потому, что не считал их ценностью» [3, с. 12].

Последнее утверждение мемуариста, видимо, не совсем правильно. В романе «Зависть» Иван Бабичев советует окружающим записывать его суждения. «Я не говорю — я высекаю свои слова на мраморе», — без лишней скромности заявляет он [4, с. 86]. Олеша, как и его герой, прекрасно знает цену своим экспромтам. Просто бережливость не входила в число добродетелей, унаследованных писателем от отца, в свое время промотавшего родовое имение.

Легко расставаясь в застольных беседах с перспективнейшими замыслами и оригинальными образами, одну неуклюжую рифму Олеша захотел почему-то продать.

*Я как-то предложил Маяковскому купить у меня рифму.*

— *Пожалуйста, — сказал он с серьезной деловитостью. — Какую?*

— *Медикамент и медяками.*

— *Рубль.*

— *Почему же так мало? — удивился я.*

— *Потому что говорится «медикамент», с ударением на последнем слоге.*

— *Тогда зачем вы вообще покупаете?*

— *На всякий случай* [5, с. 143].

Для Маяковского порой шуточное, а порой и серьезное разыгрывание ритуала купли-продажи литературных полуфабрикатов привычно. Этим и объясняется его «деловитость».

Н. Асеев вспоминает такой разговор с Маяковским:

— *Асейчиков! Продайте мне строчку!*

— *Ну, вот еще, торговлю затеяли!*

— *Ну, подарите, если заботители; мне очень нужна!*

— *Какая же строчка?*

— *А вот у вас там в беспризорном стихе: «от этой грязи избавишься разве».*

— *А куда вам ее?*

— *Да я еще не знаю, но очень куда-то нужна!*

— *Ладно, берите, пользуйтесь.*

*Строчка, чуть варьированная, вошла в одно из стихотворений об Америке, гораздо позже написанных* [2, с. 426–427].

Олеша напрасно обиделся на предложенную

ему сумму. Маяковский даже несколько завысил расценки. Ведь другому «продавцу» Р. Райт поэт предложил: «Давайте так: за каждое *хорошее* слово – рупь, идет?». «Могу похвастать, – рассказывает известная переводчица, – я оставила всех и выиграла чуть ли не два червонца – большие деньги! Результаты – все реплики мистера Понт-Кича в «Бане». Из английского «ду ю уант» вышел «дуй Иван», «пленти» превратилось в «плюньте», «джаст мин» в «жасмин», «андестенд» в «Индостан», «ай сэй иф» – в «Асеев» (курсив наш – А.К.) [2, с. 262].

В 1920-х гг. Маяковский много покупает, чтобы затем с выгодой перепродать. В начале писательской карьеры он чаще просто продавал. Несколько показательных эпизодов поэт даже включил в автобиографию «Я сам». «С печатанием еще хуже. Солдатам запрещают. Один Брик радуется. Покупает все мои стихи по 50 копеек за строку», – сообщает Маяковский в главе «Призыв» [6, с. 56]. Чуть раньше те же 50 копеек фигурируют в главе «Прекрасный Бурлюк» [6, с. 53].

Сделавшись «лучшим и талантливейшим поэтом эпохи», Маяковский удвоит ставку. В Катаеву запомнилась реплика автора «Бани»: «Плюну я, кажется, на все и буду читать свои стихи из-под полы по рублю за строчку» [7, с. 414]. За невеселой шуткой – и нарастание конфликта с эпохой, и желание вернуться в молодость, и даже соперничество с Пушкиным, которого обыватель ценит только потому, что он «по золотому за стих получал» [2, с. 406].

В раннем творчестве Маяковского создается устойчивый образ: поэт – это «бесценных слов мот и транжир» [6, с. 86]. После революции, когда, по выражению Н. Эрдмана, торговля стала искусством, а искусство – торговлей, ситуация существенно изменилась. В мемуарном очерке А.М. Родченко выделена «характерная деталь»: «Маяковский сам составил для Союза художников примерные тарифные расценки рекламных работ (текст, эскиз, художественное исполнение). Эти расценки были потом утверждены» [2, с. 221].

В «Разговоре с фининспектором о поэзии» (1926) «материалом», на приобретение которого приходится основные затраты, названа рифма.

Говоря по-вашему,  
 рифма –  
 вексель.  
 Учесь через строчку! –  
 вот распоряжение.  
 И ищешь  
 мелочишку суффиксов и флексий  
 в пустующей кассе  
 склонений  
 и спряжений <...>

Гражданин фининспектор,  
 честное слово,  
 поэту

в копеечку влетают слова [8, с. 28].

В свете приведенных выше фактов последняя фраза обретает не метафорический, но буквальный смысл.

Дважды в этом программном стихотворении Маяковский возвращается к болезненной для него теме «заимствований»:

Что говорить  
 о лирических кастратах?!

Строчку  
 чужую  
 вставит – и рад.

Это  
 обычное  
 воровство и растрата  
 среди охвативших страну растрат. <...>

А если  
 вам кажется,  
 что всего делов –  
 это пользоваться  
 чужими словесами,

то вот вам,  
 товарищи,  
 мое стило,

и можете  
 писать  
 сами! [8, с. 30, 34].

Даже тень подозрения в нарушении писательской этики способна была вывести Маяковского из себя. С явно неадекватной реакцией поэта на внешне невинную реплику столкнулся однажды Л.В. Никулин. В 1918 г. Маяковский подарил ему первое издание поэмы «Человек» с надписью на титульном листе: «Вспоминая о том, как говорили с Никулиным, Никулин, не выпить коньяку ли нам?». Позже Маяковский использовал рифму «Никулин» – «коньяку ли» в одном из напечатанных стихотворений. А когда Л.В. Никулин напомнил ему об автографе на подаренной книге:

*Он вдруг нахмурился и сказал с нескрываемым раздражением:*

*– Ну и что же? Не этично, что ли? Как будто я не смею использовать эту рифму в печати?» [2, с. 503].*

Раздражение Маяковского понятно. Едва не была «разбазарена зря» виртуозная рифма.

Уже современники нередко называли автора «Зависти» «королем метафор». Сам Олеша воспринимал себя в этом качестве как наследника Маяковского. С реальным наследством Олеша был жестоко обманут. В дневниках он упоминает о родовом поместье «Юнище», проданном его отцом и дядей «за крупную сумму денег, которая в течение нескольких лет была проиграна

обоими в карты». «Отголоски этой трагедии заполняют мое детство», – с горечью вспоминает писатель [5, с. 66].

Наученный горьким опытом, Олеша пытается провести тщательную инвентаризацию творческого наследия «экс-короля метафор». «Я несколько раз предпринимал труд по перечислению метафор Маяковского», – признается он в записях 30-х гг. [5, с. 132]. Впрочем, непрактичность Олеша сказала и в этой сфере: опись поэтического имущества так и не была составлена.

Не слишком удачная сделка с Маяковским предварила крах другого «торгового» начинания Олеша – «Лавка метафор». «На старости лет я открыл лавку метафор. <...> Я был убежден, что я разбогатею. В самом деле, у меня был запас великолепных метафор. <...> Однако покупатели не покупали дорогих; главным образом покупались метафоры “бледный как смерть” или “томительно шло время”, а такие образы, как “стройная как тополь”, прямо-таки расхватывались. Но это был дешевый товар, и я даже не сводил концов с концами. Когда я заметил, что уже сам прибегаю к таким выражениям, как “сводить концы с концами”, я решил закрыть лавку» [5, с. 409–410].

Очевиден параллелизм двух «коммерческих проектов» Олеша. «Лавка метафор» прогорает по причине дурного вкуса покупателей, не понимающих истинной ценности поэтического товара. Но и Маяковский или не смог, или не захотел понять, что именно ему предложено. Не слишком грамотная рифма «медикамент» – «медяками» в контексте биографического мифа Олеша неожиданно обретает весомость и зна-

чимость. На протяжении всего жизненного и творческого пути автор «Зависти» последовательно создавал единый метатекст о писателе-нищем. «Медяки» отсылают к теме подаяния непосредственно. Слово «медикамент» ассоциативно связано с аптекой, устойчивым локусом обитания олешевского нищего. Процедура сопряжения далековатых понятий при помощи рифмы вызывает представление о поэте.

В знаменитом выступлении на I съезде советских писателей Олеша скажет: «Теперь я живу, никому не нужный, пошлый и ничтожный. Что же мне делать? И я становлюсь нищим. Стою на ступеньках в аптеке, прошу милостыню, и у меня кличка “писатель”» [9, с. 235].

В свернутом виде эта картинка присутствует в рифме, оцененной Маяковским в рубль. То, что Олеша считает наиболее ценным, оказывается, не стоит почти ничего. И этот процесс превращения сокровища в медяки Олеша позже обрисует в речи на съезде писателей: «Я сказал себе: значит все это умение, все это твое собственное, все то, что ты сам считаешь силой, есть ничтожество и пошлость? <...> Я стал думать, что то, что мне казалось сокровищем, есть на самом деле нищета. Так у меня возникла концепция о нищем. Я представил себя нищим» [9, с. 235].

Подспудное осознание себя в рамках новой культуры нищим вызревало у Олеша постепенно. Диалог в эпизоде продажи Маяковскому рифмы «медикамент» – «медяками», речь на первом съезде советских писателей, «Лавка метафор» воспроизводят единый инвариант и отражают разные этапы осмысления писателем собственного биографического мифа.

## Литература

1. Маяковский В.В. Собр. соч. : в 12 т. – М., 1978. Т. 11.
2. В. Маяковский в воспоминаниях современников. – М., 1963.
3. Воспоминания о Юрии Олеше. – М., 1975.
4. Олеша Ю. Повести и рассказы. – М., 1965.
5. Олеша Ю.К. Книга прощания. – М., 1999.
6. Маяковский В.В. Собр. соч. : в 12 т. – М., 1978. Т. 1.
7. Катаев В.П. Трава забвения // В.П. Катаев Собр. соч. : в 10 т. – М., 1984. Т. 6.
8. Маяковский В.В. Собр. соч. : в 12 т. – М., 1978. Т. 4.
9. Первый Всесоюзный съезд советских писателей. – М., 1934 (1990).